
Попаданка
для
Вампира
IV-

Руслан Куликов

Попаданка для вампира

«Автор»
2026

Куликов Р.

Попаданка для вампира / Р. Куликов — «Автор», 2026

Ночная смена на станции переливания крови, три пакета редкой четвёртой отрицательной и погасший свет. Из зеркала в раздевалке выползает туман, и лаборантка Ася Крылова оказывается в мире, где правят бессмертные, а люди носят медные браслеты и раз в неделю сдают кровь своим хозяевам.В академии Вечного Тумана её закрепляют за Кассианом Морном — самым холодным и сдержанным из бессмертных, который за сто лет ни разу не пил из своих доноров. Но рядом с Асей его выдержка трещит по швам: её запах для него пытка, а сама она для него смертельно опасна.Гипноз на Асю не действует, её кровь не похожа ни на чью другую, а в старой донорской книге напротив её имени сам собой проступил знак, который появлялся лишь однажды — двести лет назад. Что случилось с той, другой пришлой? И почему вся академия вдруг стала такой голодной?

© Куликов Р., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Четвёртая отрицательная 6
Конец ознакомительного фрагмента. 10

Руслан Куликов
Попаданка для вампира

Глава 1. Четвёртая отрицательная

— Крылова, ты там живая? — голос Гали из приёмного прорывался сквозь треск, будто она звонила из бочки. — У нас мотоциклист с трассы. Четвёртая отрицательная. Сколько у тебя есть?

Я прижала трубку плечом и уже шла к холодильнику, на ходу натягивая вторую перчатку.

— Сейчас посмотрю. Он в сознании?

— Он в кювете был, Ась. Какое сознание.

Холодильник номер три гудел, как старый троллейбус на подъёме. Я распахнула дверцу, и оттуда пахнуло стерильным холодом — пластиком и чем-то металлическим, к чему за два года работы я так и не привыкла. Четвёртая отрицательная — редкая группа, меньше процента людей, и в нашем городе таких доноров можно было пересчитать по карточкам. Я и пересчитывала. Каждую пятницу.

Три пакета. Ровно три, с аккуратными бирками и подписью Тамары Павловны в графе «проверено».

— Три, — сказала я. — Больше нет до вторника.

— Вези все. Машина за тобой не придёт, водитель на вызове. Бери такси, я потом чек подпишу.

— Галь, ночь, ноябрь, Петрозаводск. Какое такси?

Но в трубке уже пищали короткие гудки.

Я сложила пакеты в синий термоконтейнер, проложила хладоэлементами и щёлкнула замками. Часы над дверью показывали без двадцати три. Дядя Коля, наш ночной охранник, спал внизу под сериал про ментов, и будить его ради вызова такси было всё равно что поднимать медведя посреди зимы: можно, но последствия на твоей совести.

Я как раз потянулась к телефону, когда погас свет.

Он не мигнул и не затрещал — просто исчез, будто кто-то выключил не лампы, а саму идею электричества. Холодильники замолчали все разом. В тишине стало слышно, как капает кран в моечной и как стучит у меня в висках.

— Нет-нет-нет, — сказала я вслух. — Только не сейчас.

Генератор у нас должен включаться через восемь секунд. Я досчитала до тридцати. Потом до сорока, для верности. Генератор хранил молчание с достоинством покойника.

Телефон показывал три процента заряда и ни одной палочки сети. Фонарик на нём я включать не стала — жалко батарейку, а в шкафчике в раздевалке у меня лежал нормальный, налобный, оставшийся с прошлогоднего похода на Кивач. Бабушка говорила: «Запас карман не тянет». Говорила она это, правда, про варенье, но принцип тот же.

Я сунула телефон в карман халата, подхватила контейнер — оставлять кровь без присмотра нельзя, это у нас в инструкции написано крупнее, чем номер пожарной части, — и пошла по коридору, ведя ладонью по стене.

Раздевалка была в конце, за процедурной. Узкая комната с шестью шкафчиками и зеркалом во всю стену, которое повесили к приезду проверки из министерства, да так и забыли снять. Я нащупала дверную ручку, толкнула и замерла на пороге.

В раздевалке было светло.

Не по-электрически, а так, как бывает на рассвете над озером: серо, сыро и без всякого источника. Свет шёл от зеркала. Точнее, из него. По ту сторону стекла не было ни моего отражения, ни шкафчиков, ни дурацкого плаката «Мойте руки». Там ворочался туман — густой, жемчужный и медленный, как молоко, которое кто-то размешивает ложкой с другой стороны.

Я сделала то, что сделал бы любой разумный человек с медицинским образованием: зажмурилась, сосчитала до пяти и открыла глаза.

Туман никуда не делся. Он стал ближе.

Край зеркала поплыл, словно рама была не из пластика, а из воска, и тонкая серая струйка перелилась через неё на кафель. Она поползла к моим кроссовкам, по пути огибая брошенный кем-то тапок, — аккуратно, почти вежливо.

— Так, — сказала я туману. — Сейчас я уйду. А ты останешься. Договорились?

Туман коснулся моей щиколотки.

Холод был такой, что я на миг перестала чувствовать ногу, а потом перестала чувствовать пол. Последнее, что я запомнила, — как пальцы сами сжались на ручке контейнера. Профессиональная деформация: падай хоть в преисподнюю, а кровь не урони.

* * *

Снег набился мне в рот раньше, чем я поняла, что лежу лицом вниз.

Я села, отплевалась и первым делом проверила контейнер. Цел, замки застёгнуты. Потом проверила себя: руки двигаются, ноги тоже, голова гудит, но кровь из ушей не идёт. Уже неплохо. По шкале комы Глазго я выставила себе пятнадцать баллов из пятнадцати, хотя с поправкой на обстоятельства сняла бы парочку за адекватность.

Вокруг был лес.

Не наш, карельский, с кривыми берёзами, черничником и пивной банкой под каждой второй сосной, а совершенно другой. Ели здесь поднимались так высоко, что верхушки терялись в тумане, а стволы были толщиной с трамвай. Между ними лежал нетронутый снег, синеватый в сером свете. Туман висел над землёй слоями, и в нём что-то еле слышно потрескивало, как остывающая печка.

И тишина. Такая, от которой начинаешь слышать собственные мысли, а мысли у меня в тот момент были не самые приличные.

Я достала телефон. Два процента. Сети нет. Время — без двадцати три, и оно не менялось, сколько я ни смотрела, хотя прошло уже минут десять. Последним висело сообщение от Лизки, младшей сестры: «Ась, мама спрашивает, ты в субботу приедешь или опять со своими пакетами обнимаешься?» Ответить я так и не успела.

— Приеду, — сказала я экрану и выключила его, чтобы не тратить заряд на глупости.

Халат грел примерно так же, как газета. Под ним были футболка, джинсы и кроссовки, в которых я обычно бегала от остановки до работы. Через пять минут на снегу я перестала чувствовать пальцы ног, через десять начала прикидывать, на какой стадии переохлаждения человек перестаёт дрожать. На третьей. А до неё ещё можно успеть найти людей.

Если здесь есть люди.

Я выбрала направление наугад — туда, где туман казался чуть светлее, — и пошла, проваливаясь по колено. Контейнер оттягивал руку. Можно было его бросить. Можно, но в нём лежала чья-то жизнь, пусть и не того мотоциклиста, до которого мне теперь не добраться. Бросить контейнер значило признать, что я туда больше не вернусь.

Минут через двадцать я услышала лошадей.

Сначала донеслось фырканье, потом скрип снега под копытами и тихий звон сбруи. Я остановилась за еловым стволом и осторожно выглянула.

Их было трое. Три всадника в серых плащах с капюшонами ехали шагом друг за другом, и туман расступался перед ними, будто узнавал. На первой лошади сидел широкоплечий парень с растрёпанными тёмными кудрями: он что-то жевал и вертел головой по сторонам. Второй ехал, низко надвинув капюшон на лицо. Третий отстал на несколько шагов и держал фонарь на длинном шесте, внутри которого вместо огня колыхалось что-то бледно-голубое.

Нормальный человек на моём месте, наверное, сначала подумал бы, кто эти люди и чего от них ждать. Я подумала: у них есть лошади, а лошади — это тепло.

— Эй! — я вышла из-за дерева и замахала свободной рукой. — Простите! Помогите, пожалуйста!

Лошади встали все разом, как по команде.

— Вигго, — негромко сказал всадник с фонарём. — Слева.

— Вижу, — кудрявый перестал жевать и сощурился. — Тётка в простыне.

— Это халат, — сказала я. — Медицинский. И я не тётка, мне двадцать.

Слова звучали странно. Я говорила по-русски, они тоже — но как-то иначе, с непривычными ударениями, словно я слушала старое радио, поймавшее чужую волну. Понимала я при этом каждое слово, и это пугало сильнее леса.

Кудрявый соскочил с седла и подошёл ближе. Вблизи он оказался совсем мальчишкой, лет восемнадцати на вид, весёлым и румяным. Слишком румяным, машинально отметила я. Так румянятся люди, которые недавно хорошо поели. На плаще у него была вышита серебряная птица с раскрытыми крыльями.

— Ты откуда взялась, человек? — он обошёл меня по кругу, разглядывая кроссовки. — Деревни тут нет, до Гнилой Пади полдня пути. Сбежала?

— Из Петрозаводска, — честно сказала я. — Со станции переливания крови. У нас свет погас, а потом зеркало…

Вигго остановился.

— Зеркало, — повторил он совсем другим тоном и оглянулся на всадника в капюшоне. — Кассиан. Она говорит, зеркало.

Тот молчал. Он сидел в седле очень прямо, не шевелясь, и что-то в этой неподвижности заставило меня перехватить контейнер покрепче. Так замирают кошки перед прыжком. Или врачи, когда видят на мониторе прямую линию.

— Кассиан? — снова позвал Вигго.

Ветер качнул еловые лапы, с них посыпался снег. Туман потянулся от меня к всадникам, и в ту же секунду лошадь под человеком в капюшоне шарахнулась, присела на задние ноги и захрапела. Он удержал её одной рукой — так легко, будто лошадь ничего не весила, — и наконец поднял голову.

Капюшон съехал.

Он был молод, ненамного старше меня, с узким бледным лицом и прямыми бровями. А волосы — седые. Не крашеные, как у модных блогерш, а по-настоящему пепельные, как у восьмидесятилетнего старика. Над воротом плаща на шее темнел старый шрам — бугристый, сморщенный, похожий на отпечаток раскрытой ладони.

Но смотрела я не на шрам, а на его глаза. Серые, светлые — и прямо у меня на глазах зрачки в них расползлись во всю радужку, так что лицо стало похоже на маску с двумя пробоинами.

Он втянул носом воздух. Медленно, глубоко. Пальцы на поводьях сжались, и кожа ремня скрипнула.

— Уберите её, — сказал он. Голос был низкий и ровный, даже слишком ровный, как у человека, который держит на весу что-то очень тяжёлое. — Немедленно.

— Куда убрать? — растерялся Вигго. — Она же замёрзнет. Это ж человек, Кас, она…

— Я знаю, что это человек.

Он посмотрел прямо на меня, и я поняла, что пячусь. Решение принимала не я: ноги сами отступали по колено в снегу, как отступают от края крыши. Всё во мне требовало бежать, а я едва двигалась, потому что по такому снегу далеко не убежишь, а ещё потому, что не могла отвести от него взгляда.

— Вы… в порядке? — услышала я собственный голос. Профессиональный, ласковый, каким мы говорим с донорами, которые боятся иглы. — У вас зрачки расширены. Вы что-то принимали?

Вигго издал странный звук — то ли кашель, то ли смешок.

Кассиан не ответил. Он спрыгнул с лошади, и я успела подумать: всё, сейчас. Но он шагнул не ко мне, а в сторону, за ствол ели, и оттуда донёсся глухой удар, будто кулаком по дереву. С веток сорвалась снежная шапка и рухнула ему на плечи.

— Ирма, — раздалось из-за ели сдавленно. — Твой плащ. Отдай ей. И везите в академию. Через гать, не через лес.

— А ты? — спросил всадник с фонарём и откинул капюшон. Под ним оказалась девушка с короткой тёмной стрижкой и такими же неестественно румяными щеками.

— Я поеду следом. Позже.

— Насколько позже?

— Когда перестану хотеть её убить.

Сказано это было без всякой угрозы, тем же тоном, каким говорят «поеду, когда кончится дождь». Потом скрипнул снег, лошадь коротко заржала, и из-за ели вылетел всадник. На меня он не взглянул. Туман сомкнулся за ним, как вода.

Мы остались втроём. Вчетвером, если считать контейнер.

— Не обращай внимания, — Вигго почесал затылок. — Он вообще-то вежливый. Обычно.

— Он сказал, что хочет меня убить.

— Ну да. Но не убил же. Это, знаешь, у нас считается за вежливость.

Ирма молча стянула с себя плащ и накинула мне на плечи. Плащ был тяжёлый, подбитый мехом и совершенно холодный изнутри, словно его носили на морозе и не согрели ни на градус. Я поёжилась, но закуталась плотнее. Ветер больше не пробирал до костей — уже прогресс.

— Что в коробке? — Ирма кивнула на контейнер.

— Кровь, — сказала я. — Донорская. Три дозы, четвёртая отрицательная. Мне её в больницу надо было…

Я не договорила. Оба уставились на синий пластиковый ящик так, как дети смотрят на витрину кондитерской. Вигго даже шагнул ближе и тут же отдёрнулся, будто обжёгся.

— Человечья, — выдохнул он. — В коробке. Просто так. Ирма, она носит кровь в коробке!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.